

**Отзыв официального оппонента о диссертации
Некоз Олеси Александровны
«Поэтический мир Анны Ахматовой переходного периода: книга
“Тростник”», представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 — русская литература**

Диссертация Олеси Александровны Некоз представляет собой литературоведчески грамотное, продуманное и многогранное исследование. Оно открывает перед читателем возможности детального портретирования поэтического языка, воплощенного в важном с точки зрения творческой биографии и эстетически значимом высказывании одной книги стихов.

Диссертация посвящена книге «Тростник», сравнительно с другими менее изученному художественному целому, что подтверждает актуальность исследовательского текста, стремящегося заполнить образовавшееся в научном пространстве место.

Рецензируемая работа выступает примером в хорошем смысле традиционного литературоведческого исследования, отличающегося пристальным вниманием к тексту, и случайного читателя не должен смущать упомянутый в оглавлении «частотный словарь» — эта часть методологии также восходит к уже ставшим хрестоматийными образцам подобного рода и не является симптомом каких-то радикальных и неапробированных новаций.

При такой крепкой традиционности содержания читатель может ожидать и привычной формы, но композиция демонстрирует незначительное отступление от канона троичности: диссертация состоит только из двух глав, что, впрочем, хорошо отвечает сбалансированности замысла. Если первая глава фиксирует наблюдения над лексическим уровнем составляющих книгу Ахматовой текстов, то вторая посвящена особенностям образной системы. Граница между этими двумя сферами в оптике диссертанта условна, что демонстрирует внутреннюю концептуальную цельность всей работы.

Вводная часть диссертации одновременно служит хорошим введением и в ахматоведение, в сжатой, но информативной форме раскрывая основные вехи в этой субдисциплине, упоминая наиболее заметные имена и описывая самые значительные достижения того научного поля, в котором позиционируется работа соискателя. Не сомневаюсь, что в столь крупной исследовательской области всегда можно, руководствуясь соображениями личного вкуса и методологической перспективы, поставить вопрос об упоминании каких-то дополнительных трудов, не включенных автором. Но и извлекаемый из введения к диссертации список в его настоящем виде кажется мне вполне убедительным. Существенным мне представляется и то, что место в нем нашлось не только публикациям в виде монографий и статей в периодике, но и диссертационным исследованиям. Это, на мой взгляд, позитивный сигнал, свидетельствующий о стремлении учесть все участвующие в формировании корпуса ахматоведческих исследований жанры, отвлекаясь от неуместной в данном случае иерархичности.

Первая глава, сосредоточенная на тематике книги «Тростник», состоит из трех параграфов. Первый концентрируется вокруг методики моделирования художественного мира текста путем составления частотного словаря. В словарь вошли только знаменательные слова из стихотворного текста, не включая заголовочно-финальный комплекс, а получившимся результатам предложена литературоведчески релевантная интерпретация. Такое наполнение количественных данных смыслом, к сожалению, далеко не всегда можно наблюдать в количественных исследованиях, и диссертация О. А. Некоз является позитивным примером осмысленности подхода. Положительному впечатлению от текста параграфа способствует прозрачность для читателя принципов, которым следует составитель словаря (с. 25–27), а также экспликация эпистемологически важных посылок интерпретации данных: «При анализе данных частотного словаря мы исходим из положения, что слова с высокой

частотностью обладают большой значимостью в семантической структуре целого» (с. 27). Сам словарь вынесен в приложение, а в тексте параграфа подробно прокомментирован.

Здесь необходимо сказать об одном из основных достоинств рецензируемой работы. Широко известно о пришедшем в ряд наук (наиболее пострадавшие — социальные дисциплины, медицина и психология) кризисе воспроизводимости, то есть невозможности повторить полученные в ходе экспериментов результаты. Такая проблема является следствием комплекса факторов — от неполноты описания условий эксперимента до различающихся по разным параметрам у разных исследовательских групп материальных объектов, влияющих на результат. Обычно это сторонняя для филологических исследований проблема, но в разбираемом случае она не только возникает, но и получает успешное решение. Диссертация О. А. Некоз является хорошим примером прозрачности описания исследовательских процедур, позволяющих проконтролировать полученные соискателем данные.

Я повторил подсчеты соискателя и получил в целом очень схожие результаты. Но комфортность для читателя рецензируемой диссертации обусловлена даже не тем, что такое повторение можно осуществить, а тем, что сразу можно установить, в чем и почему заключаются различия. Благодаря избранной автором форме подачи материала сразу ясно, в чем причина того, что частотность лексемы «ночь» в словаре О. А. Некоз равняется 6, а в моих подсчетах 8. Принятая в диссертации исследовательская оптика различает слова «ночь» (существительное) и «ночью» (наречие), поэтому в словаре не отождествляются с существительным соответствующие словоупотребления из стихотворения «Муза» («Когда я ночью жду её прихода») и «От тебя я сердце скрыла...» («Только ночью слышу скрипы»). В данном случае правда на стороне диссертанта. Но в случае с лексемой «год» количество словоупотреблений будто бы равняется 12 (как сказано на с. 156 диссертации), но на самом деле оно равняется 11, что легко установить, сложив значения из следующей колонки таблицы. В данном случае диссертант ошибся, но эту ошибку легко исправить, ориентируясь на представленные в работе данные. Остальные количественные показатели в верхней части частотного списка в подсчетах соискателя и рецензента совпадают.

Второй параграф продолжает линию интерпретации частотности слов в книге Ахматовой, но на сей раз, что вполне естественно для небольших объемов исходного текста, мы видим работу уже с укрупненными по семантическому принципу классами лексики.

Этот параграф содержит самые пронизательные и яркие наблюдения над поэтикой Ахматовой, которые сами по себе уже делают рецензируемую диссертацию ценным научным трудом, а ее автора показывают с самой положительной стороны как зрелого исследователя с острым литературоведческим зрением.

К таким интеллектуальным жемчужинам, позволяющим по-новому взглянуть на поэзию Ахматовой, следует отнести наблюдение, касающееся того, что в «Тростнике» фонари (объекты, номинально связанные со светом) вопреки традиции имеют негативную коннотацию (с. 50). Этот поразивший меня тезис мне сразу захотелось проверить на материале других книг поэтессы. В самом деле, позднее творчество Ахматовой демонстрирует именно эту тенденцию: «Слева, как виселицы, фонари» (1944); «Фонари на предметы/Лили матовый свет» (1961).

При этом в творчестве 1910-х годов такая семантика не прослеживается, фонарь актуализирует смыслы, связанные с идеей яркой жизни, близкой к состоянию праздника: «Зажженных рано фонарей/Шары висячие скрежещут,/Все праздничнее, все светлей/Снежинки, пролетая, блещут» (1919); «На вязах, на кленах/Цветные дрожат фонари» (1910); «Чернеет дорога приморского сада,/Желты и свежи фонари» (1914). Возможно, такая ресемантизация происходит под влиянием образности Блока (ср.: «Он прав — опять фонарь, аптека»).

Здесь существенны два обстоятельства. Во-первых, кажется, что на это наблюдение трудно было бы выйти, не пользуясь моделированием художественного мира через частотный словарь. Это подтверждает верность выбора методики исследования в диссертации. Во-

вторых, это наблюдение, расширенное моим собственным микроисследованием, полностью подтверждает и одно из выносимых диссертантом на защиту положений: «Книга “Тростник” — переходная, так как в ней происходит качественное изменение стиля и языка поэта» (с. 20). Действительно, именно тем водоразделом, по разные стороны от которого мы наблюдаем по-разному устроенную образную систему Ахматовой.

Столь же богатым в смысловом отношении представляется мне наблюдение, что «поэтический мир книги “Тростник” насыщен более звуками, чем запахами» (с. 51).

В третьем параграфе диссертант сосредотачивается на именах собственных как особом лексическом подклассе того материала, который кладется в основу поэтического мира книги.

Вторая глава в методическом смысле наследует работам Н. В. Павлович. Эта часть диссертации состоит из четырех параграфов, демонстрирующих близкие под духу подходы к несколько различному материалу и литературоведческие комментарии к этому материалу с поправкой на язык описания, принятый в ахматоведении.

Помещенные в приложения два словаря, составленные на материале книги «Тростник», имеют несомненный практический интерес и должны быть доступны широкому кругу специалистов.

Один из центральных вопросов, которые возникают по ходу чтения, это вопрос о существовании понятия «поэтический мир», вынесенном в заглавие работы. Поначалу может вызывать смущение, что центральный термин всей диссертации остался без определения, вместо которого читателю предлагается набор играющих роль методологических ориентиров ссылок на работы авторитетных литературоведов (Эйхенбаум, Лихачев, Лотман). Но по ходу знакомства с текстом раскрывается замысел диссертанта. «Поэтический мир» не может иметь четкого определения, потому что это так называемый «зонтичный термин», призванный объединить под одной обложкой ряд разнородных, но в той или иной мере ценных наблюдений над текстом Ахматовой. Термин «поэтический мир» является не отправной точкой для развертывания композиции работы соискателя. Это финальный пункт размышлений, предоставляющий идейную рамку для того литературоведчески релевантного наполнения, которое мы находим в диссертации. Такая конструктивная роль зонтичного термина в конечном счете продуктивна, и, осознав ее, уже не будучи стесненным соображениями терминологической определенности и однозначности, читатель может осознать, что потенциал концепции «поэтического мира» как раз лежит не в плоскости того, что обычно связывается с терминологией: для соискателя это возможность непротиворечиво объединить вместе элементы разных, но важных для понимания поэтического текста уровней. Мир (в данном случае поэтический) — это метафора всеобщности, концептуальная платформа, позволяющая аккумулировать разнородные наблюдения.

При этом живая и насыщенная мыслью работа Олеси Александровны благодаря своей содержательной наполненности и темпераментности стиля, в котором чувствуется непритворное сочувствие с тяжелой судьбе Ахматовой, побуждает и к серьезному научному диалогу.

Так, уже первый параграф первой главы начинается со ссылки на общепринятое мнение: «Сегодня принято считать, что “поэт, отражая реальный мир, создаёт свой собственный художественный мир...”» (с. 23) И хотя для концепции работы важна вторая часть этого тезиса (поэт создает свой мир), вопросы вызывает уже первая (поэт отражает реальный мир). Действительно, в 1968 году, в тех исторических обстоятельствах, когда Д. С. Лихачевым были написаны эти слова, теория отражения, узаконенная официальным марксизмом, была бесконкурентной. Но в 2022 году ситуация предстает более сложной, достаточно сослаться на знаменитое эссе С. Зонтаг «Против интерпретации», где теория отражения подвергается основательной критике. Представление о безальтернативности отражения как движущего механизма при создании художественного произведения является заметным сужением концептуального поля историка литературы, причем сужением, на мой взгляд, неоправданным.

Однако главным поводом для научной дискуссии, к которой взывает рецензируемая диссертация, является характерное для большинства известных рецензенту ахматоведческих исследований следование за ахматовским биографическим мифом. Биография Ахматовой уже самой поэтессой была превращена в мощный идеологический и смысловой детерминант, и научные работы об ее поэзии уже несколько десятилетий не могут выйти за пределы этого мифа как объяснительной модели, существенно ограничивая себя в работе с главным объектом филолога — текстом.

В рецензируемой диссертации это также проявлено в полной мере, что снова характеризует работу как традиционную, то есть органично присутствующую в системе привычного ахматоведения. Однако в ряде случаев для тех, кто не находится под обаянием биографического нарратива об Ахматовой, рассуждения диссертанта не звучат обоснованно. Например, «связь Ахматовой со стихией воды неудивительна, так как она родилась на море...» (с. 49) Это часть рассуждений диссертанта о частотности лексемы «вода» в книге «Тростник». На мой взгляд, подобного рода утверждения требуют дополнительного обоснования, например, в виде перекрестного сравнения с текстами других авторов, родившихся или не родившихся на море. Но самым вероятным будет предположение, что лексема «вода» в принципе настолько частотна, что обязательно будет звучать в стихах, даже у тех поэтов, которые всю жизнь провели в пустыне. Например, в переводе арабского поэта Аш-Шанфара (V-VI вв): «Томимые жаждой, летят куропатки к воде,/всю ночь кочевали они, выбиваясь из сил <...> Они гомонят, словно несколько разных племен,/сойдясь к водопою, в едином сливаются стане» (перевод А. Ревича). Проблема с биографическим мифом не в том, что он не позволяет объяснить поэтику Ахматовой, а в том, что ограничивает понимание исследователем того, что объяснения эти могут быть необоснованными.

Еще пример того, как нарратив об Ахматовой контрпродуктивно влияет на обоснованность выводов. «Восприятие Ахматовой дома, конечно же, связано с её безбытностью, бездомностью в реальной жизни» (с. 55). Имплицитно в этой биографической мотивировке содержится соображение, что любой бездомный и безбытный поэт будет трактовать «дом» аналогичным Ахматовой образом. Творчество одного из самых бездомных русских поэтов XX века В. В. Набокова опровергает эту каузацию: «Там в доме с радужной верандою,/с березой у дверей,/в халате старом проваландаю/остаток жизни сей»; «Я приглашен был раза два-три/в их дом радушный». Со всей очевидностью приведенные контексты показывают несостоятельность идеи, будто бы бездомность в реальности жизненной обязательно приводит к господству разоренного, разрушенного дома в реальности литературной. Помимо биографических обстоятельств, существует еще значительное число собственно поэтических стимулов и механизмов, заставляющих поэтов по-разному встраивать образы в свои системы.

Если поэты, находясь в сходных биографических обстоятельствах всё же по-разному концептуализируют одни и те же мотивы, значит, за этой концептуализацией стоит что-то еще, помимо биографии. Это «что-то еще» и есть литература, текст, о которых часто как будто забывают ахматоведы.

Таких случаев неудачной интерпретации, обусловленной необязательностью использования биографического ресурса, в диссертации не один и не два, хотя претензии подобного рода, как я уже говорил, следует предъявлять не соискателю, а практически всему сообществу ахматоведов.

Но есть и случаи, когда связь между исходным текстом и предложенными интерпретациями становится совсем мерцающей, и уже не по вине существующей исследовательской традиции.

Так, мысль о связи названия книги с одним из известных афоризмов Паскаля, ставшим в русской культуре особенно популярным благодаря Тютчеву, представляется мне эвристически продуктивной. Однако интерпретация этого афоризма Паскаля диссертантом выглядит спорно: «Тростник легко сломать, то есть непосредственно уничтожить. Однако философ добавляет слово “мыслящий”. Это говорит о том, что уничтожение физической

оболочки не обязательно влечёт за собой гибель мысли» (с. 13). Такая идея в словах Паскаля не заложена. Философ следует традиционной барочной образности, подразумевающей физическую слабость человека, его беспомощность в агрессивном окружающем мире. В то же время способность мыслить, осознавать свою гибель, делает человека особенным, но вовсе не подразумевает (по крайней мере, в терминах Паскаля) бытие после смерти ни для самого человека, ни для его мысли. Если помнить об исходных посылах Паскаля, утверждение «Название “Тростник” отражает идею о том, что, несмотря на физическую смерть, поэт продолжает жить в Слове» (с. 13) оказывается не подкрепленным никакими относящимися к делу основаниями.

«Второй эпитафия: Я играю в них во всех пяти (из стих. “Гамлет”) – о неминуемости жертвы в пяти актах трагедии. Это слова о поэте, который воплощает своё время» (с. 13). Как мне представляется, это еще один пример выхода за пределы алгоритмизируемого процесса интерпретации. Во-первых, строка Пастернака подразумевает не только неминуемую гибель в пятом акте трагедии (хотя эта гибель несомненна в силу литературных законов разрешения трагического конфликта), но и то, что трагический персонаж не тождествен факту своей гибели, его бытие включает и другие мотивы, проявленные в первых четырех актах. Во-вторых, воплощение в себе времени поэтом из сказанного никак не следует, поэтому одной ссылки на работу И. В. Романовой недостаточно. Требуются пояснения к логике рассуждений диссертанта и к связи строки Пастернака с поэтикой «Тростника».

Если вернуться к методике частотного словаря, то здесь тоже нельзя не сделать нескольких важных замечаний.

В тексте работы эксплицитно говорится о том, что состав книги «Тростник» с течением времени менялся (с. 12). Это означает, что данные частотного словаря могли бы существенно отличаться в зависимости от версии, с которой работал составитель. Скажем, в первом издании того же собрания (1986-го года), которое было положено в основу диссертационного исследования, состав «Тростника» действительно существенно отличен и включает в себя 30 (а не 26!) стихотворений. Стоило бы оценить, насколько эта разница между различными версиями книги драматична, и влияет ли она на основные выводы, сделанные на данных частотного словаря.

Самым прискорбным является следующее утверждение диссертанта, повторенное в тексте работы еще несколько раз: «В книге “Тростник” большое число слов, употреблённых по одному разу. Это обусловлено афористичностью, сжатостью стихов, а также небольшим объёмом книги» (с. 42, с. 130 и др.). Нет, это обусловлено так называемым законом Ципфа. В любом корпусе текстов, созданных на естественном языке европейского стандарта, частотность слов подчиняется степенному распределению, то есть, если немного упростить, количество употреблений каждого следующего в частотном списке слова примерно в два раза ниже, чем предыдущего, а частотность 1 будет иметь примерно половина от всех, включенных в такой список. Не отрицая таких свойств текста Ахматовой, как афористичность и сжатость, следует помнить, что точно ту же ситуацию мы будем наблюдать и в текстах предельно пространственных и неафористичных.

Неудачным представляется обращение диссертанта за сравнительными данными к устаревшему частотному словарю русского языка 1977 года (с. 28–29). В 2009 году вышел новый словарь: (О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров, Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009). Именно на него и следует ориентироваться, в том числе и в стандартах описания лексики в такого рода справочных материалах (например, частота в единицах IPM).

Вызывает сожаление и то, что диссертант по собственному признанию не использовал «специальные методы статистики» (с. 25). Они помогли бы оценить то, что заявляется в диссертации как важный элемент научного взгляда на лексику — как словарный состав книги Ахматовой выделяется на фоне общезыкового словаря. Так, на основе сравнения с частотным словарем русского языка утверждается, что «в поэтическом мире книги “Тростник” более выражен субъект» (с. 29), но это утверждение не подкреплено оценкой

статистической значимости (например, критерием хи-квадрат). Проверить же эти подсчеты невозможно, поскольку в диссертации приводятся только значения в процентах.

Еще одна странность в подготовке данных для подсчетов — это исключение заглавий стихотворений (с. 27), ведь заглавия тоже составляют часть поэтического мира. Если бы предметом рассмотрения О. А. Некоз был именно стихотворный язык (например, взаимодействие лексики и метрической организации текста), то такой подход был бы понятен. Но в текущей конфигурации исследовательских установок он выглядит необоснованно, тем более, что за пределами тех параграфов, где речь идет о частотном словаре, лексика заглавий в рассмотрение попадает (например, имена Маяковского и Пастернака).

Дискуссионным может быть и рассмотрение цикла «Юность» как одного произведения. В случае, если бы диссертант работал с версией книги из двухтомника 1986 года, эта проблема стала бы еще более существенной, так как там присутствуют также циклы «Распятие» и «Разрыв».

В диссертации присутствует ряд неудачных формулировок, иногда ненужным образом затемняющих ее научные достоинства: «Вслед за М. Л. Гаспаровым мы придерживаемся того мнения, что между стихами 1935–1946 и стихами 1956–1965 годов нельзя поставить знак равенства» (с. 9). Дело в том, что сказанное здесь самоочевидно: знак равенства невозможно поставить между любыми текстами. Иногда знак равенства нельзя поставить даже между одним и тем же текстом, помещенным в разные интерпретирующие контексты (классический пример здесь — это рассказ Х. Л. Борхеса о Пьере Менаре).

«Текстологические исследования. Учёных интересуют источники отдельных тем, образов, цитат книги» (с. 17). Всё же текстология — это традиционно круг вопросов, связанных не с присутствием чужого слова в тексте, а с датировкой, атрибуцией, разницей между редакциями и вариантами (как раз то самое неотрафлексированное в диссертации различие между версиями книги «Тростник»). В то же время чужое слово, которое имеет здесь в виду диссертант, охвачено в предыдущем пункте его перечислений.

«В период написания стихотворений 1935–1946 годов намечаются две важные тенденции в творчестве Ахматовой: стремление к историческому мышлению и гражданским темам» (с. 10). В то же время историческое мышление и гражданские темы появляются в творчестве Ахматовой гораздо раньше, например, стихотворения «Мне голос был...» (1917) и «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922).

«Ахматова очень тонко показывает противоречие Маяковского: жажда духовной свободы и подавленность человека в бюрократическом мире с его пошлостью, цинизмом» (с. 81). Однако вопреки утверждению диссертанта здесь нет никакого противоречия. Когда человек подавлен, он естественным образом жаждет свободы.

На стр. 26 автор диссертации имплицитно исходит из того, что глаголы выражают действие, но, как это видно по таким выражающим пассивную семантику глаголам, как «стоять», «лежать», «ждать», ясно, что глаголы выражают не действие, а процесс.

Названного на с. 16 В. В. Ивановым ученого из-за потенциальной омонимии всё же принято обозначать как «Выч. Вс. Иванов».

Отмечу, наконец, что рецензенту удалось заметить в тексте всего одну опечатку «скнигу» (с. 74). Опечатки, безусловно, не характеризуют содержательной части исследования, но косвенно демонстрируют скрупулезность автора, его внимательность, релевантную для филолога, и его старательность при работе с текстом. В этой части к работе О. А. Некоз не может быть никаких претензий. Но всё же есть и где усилить бдительность: в сн. 112 на стр. 31 указана неверная страница из исходного издания Ахматовой: «174» вместо нужной «175».

Таким образом, диссертация О. А. Некоз представляет собой заслуживающее внимание литературоведческое исследование, побуждающее к научной дискуссии, обладающее актуальностью и насыщенное интересными наблюдениями над поэтическим языком.

Основные результаты исследования отражены в 10 публикациях, 3 из которых – в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК. По материалам диссертации сделано 6 докладов на международных, всероссийских и межвузовских конференциях. Содержание автореферата отражает основные положения диссертации.

Диссертация соответствует паспорту специальности 10.01.01. — русская литература по следующим пунктам: п. 4 – «История русской литературы XX–XXI вв.», п. 8 — «Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и её преломлений в художественном творчестве», п. 9 — «Индивидуально-писательское и типологическое выражение жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии», а также требованиям пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней» утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842 (в редакции от 11.09.2021 № 1539), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Автор диссертационного исследования — Некоз Олеся Александровна — заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

Официальный оппонент

кандидат филологических наук,
(10.01.01 — русская литература)
доцент факультета гуманитарных наук
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Адрес: Москва, Покровский бульвар, д. 11. www.hse.ru

Орехов Борис Валерьевич